



УДК 81'22

*Л. М. Гаврилина***КАЛИНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ В СЕМИОТИЧЕСКОМ  
ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ**

*Предметом внимания автора становится концепт калининградского текста, который рассматривается в рамках сложившегося в культурологии текстологического дискурса. Предпринятый анализ и сопоставление понятий позволили квалифицировать калининградский текст как сверхтекст локального типа и метатекст калининградской региональной субкультуры.*

*The author confines her attention to the concept of Kaliningrad text, which is considered in the framework of textological discourse developed in cultural studies. The analysis conducted and the juxtaposition of concepts made it possible to qualify the Kaliningrad text as a local type supertext and a metatext of Kaliningrad regional subculture.*

**Ключевые слова:** культура, текст, локальный текст, сверхтекст, метатекст.

**Key words:** culture, text, local text, supertext, metatext.

В русскоязычной филологической, культурологической литературе в последнее десятилетие все большую популярность получает тема локальных или «городских» текстов — своеобразных текстов-конструктов, отражающих специфику, неповторимость того или иного локуса и являющихся знакомой его манифестацией. Идея восходит к блестящим работам Н.П. Анциферова о Петербурге [5–7], к трудам участников тартуско-московской семиотической школы. Ключевой стала статья В.Н. Топорова «Петербург и петербургский текст русской литературы», впервые опубликованная в известном «петербургском сборнике» [27]. Как заметил А.П. Люсьи, «основоположник концепции Петербургского текста русской культуры В.Н. Топоров вопреки своим намерениям вызвал настоящую текстуальную революцию в современном российском гуманитарном знании. Ввиду того что текст и большие текстовые структуры становятся глобальной семиотической целостностью, возникает необходимость представить общую текстуальную конфигурацию культуры, с ее культурными макро- и микротекстами» [21, с. 7].

Анализ и реконструкция петербургского текста, выполненные Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, З.Г. Минц и другими, в указанном сборнике дали толчок сразу двум исследовательским направлениям. Представители первого — литературоведческого, культурологического — продолжили поиск и анализ новых локальных текстов. Второе направление больше сконцентрировалось на теоретико-методологических проблемах текстологии и прежде всего разработке концепта сверхтекста.

Наиболее полными и фундированными среди исследований первого направления, посвященных «городским» текстам, заслуженно считаются работы В. Абашева о пермском тексте [1; 2], в которых он рас-



сматривает Пермь как текст и пермский текст в русской литературе. Достоинство работ — широта охвата материала, его хорошая организация, выверенность теоретико-методологических оснований исследования. В его книгах впервые появляется и понятие локального текста. «Символическое поле Перми, вместилище ее эмблематики и архетипов, с точки зрения семиотики можно рассматривать как особый вид текста. Его следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» [1, с. 36]. Термин представляется удачным и сегодня активно используется в соответствующей литературе.

Среди наиболее заметных локальных текстов — крымский текст русской литературы, который в течение многих лет исследует А. Люсьи [20; 21]. Широкую известность, хотя и неоднозначную трактовку, получила проблема московского текста [25], есть публикации о таллинском тексте в русской культуре [8], активно обсуждается вопрос о существовании локальных текстов малых провинциальных городов и российских регионов [11–13], защищены диссертации о лондонском тексте русской литературы [26], роли городского текста в формировании культуры и ментальности [14] и т.д. Серьезными исследованиями, имеющими как теоретическую, так и прикладную составляющие, стали работы новосибирского филолога Н.Е. Меднис, в которых она анализирует помимо вышеназванных (петербургского, московского) венецианский, флорентийский тексты русской литературы [23; 24]. Калининградский текст как знаковую манифестацию калининградской региональной субкультуры и ее метатекст мы представили в одной из недавних публикаций [10].

Заметное разночтение обнаруживается в формулировках предмета исследования локальных текстов. Часть публикаций посвящена локальным текстам *русской литературы* [12; 20; 21; 23; 24; 26], в другой изучаются локальные тексты *русской культуры* [8; 11; 13; 25; 27], т.е. в качестве субтекстов привлекаются и невербальные источники. Стоявший у истоков этой проблематики В.Н. Топоров назвал свою работу «Петербург и петербургский текст русской литературы» [28], тем самым расширил тему, выйдя за границы узко литературоведческого исследования. В качестве составляющих петербургского текста он рассматривает «субстратные элементы... относящиеся к природной, материально-культурной, духовно-культурной, исторической сферам» [28, с. 215]. У В.Н. Топорова представлен и «Петербург как текст», и «петербургский текст в русской литературе». В этой исследовательской парадигме выполнены и работы В. Абашева о пермском тексте [1; 2]. Ученый последовательно и четко разделяет Пермь как текст (русской культуры) и пермский текст в русской литературе. Первое очевидно шире второго. Автор использует не только литературные тексты, но и иные источники (сказания, легенды, городской фольклор, природный и архитектурный ландшафт и т.д.). Вся семиосфера Перми предстает как сложный синтетический текст, так же как и петербургский текст в известной работе В.Н. Топорова. В современной семиотике культуры установилось широкое понимание текста, которое дает возможность рассматривать в качестве такового архитектуру, живопись, фотографию, рекламу, по-



вседневные практики и др. Осложняет ситуацию недостаточная разработанность процедур интерпретации данного рода текстов.

Блестяще проанализировав понятие петербургского текста и назвав его сверхтекстом, Топоров вызвал к жизни направление в филологии, посвященное теоретической разработке понятия. «Как и всякий другой город, — пишет Топоров, — Петербург имеет свой “язык”... и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл... Но уникален в русской истории Петербург тем, что ему в соответствие поставлен **особый “Петербургский текст”, точнее, некий синтетический сверхтекст**, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального» [28, с. 208].

Смеем предположить, что В. Н. Топоров не имел намерения вводить новое понятие, он анализировал в качестве такового «понятие петербургского текста». Термин «сверхтекст» в указанной работе выглядит как метафора, указывающая на более высокую степень обобщения рассматриваемого автором феномена по отношению к конкретным текстам, посвященным Петербургу. Анализируя петербургский текст, Топоров часто использует приставку «сверх». Так, он пишет о «сверх-семантической» петербургского текста, который, «будучи метафизическим конструктом... сам выступает как *сверхуплотненная* и *сверх-эмпирическая* реальность высшего порядка, *сверх-реальность*, которая позволяет увидеть в ее зеркале... город, его последнюю смысловую глубину...» [28, с. 232]. Думается, что термин «сверхтекст» употреблен автором в этих же коннотациях для акцентирования особого способа существования петербургского текста: надэмпирического, метафизического<sup>1</sup>. Термин «сверхтекст» представляется не слишком удачным, в том числе и потому, что в нем заложены возможности его аксиологизации (констатации особой значимости, сверхценности текста), на что уже обращали внимание ученые. Однако термин «прижился» в русскоязычной литературе, прошел непростой путь развития от идеи к понятию, широко используется в филологических исследованиях, ему посвящены статьи, монографии, диссертации, в которых предприняты попытки его концептуализации.

Анализируя «понятие петербургского текста», В. Н. Топоров выявил его сущностные характеристики, главной среди которых он называет **единство и семантическую связность**. Текст создается множеством авторов, но при этом у него есть **ядро**, «которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику». Источник единства заключается не в общем для авторов объекте описания, но в «**монолитности максимальной смысловой установки (идеи)**». Именно она определяет принцип отбора «субстратных» элементов, а также единство «локально-петербургского словаря». Она же лежит в основе «сверх-семантической» петербургского текста,

<sup>1</sup> Топоров использует термин «сверхтекст» применительно и к другим типологическим образованиям. Так, он пишет о «мифопоэтических сверхтекстах (текстах жизни и смерти, “текстах спасения”), которые описывают сверхуплотненную реальность» [28, с. 212].



«смыслы которого (или, точнее, с м ы с л) превышают эмпирически-возможное в самом городе и больше суммы этого “эмпирического” [28, с. 230]. В качестве признаков петербургского текста Топоров называет также кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность (в отношении авторства).

Все перечисленные выше характеристики петербургского текста последователями Топорова стали рассматриваться как признаки, определяющие свертхтекст как таковой. Правомерность такого рода переноса вызывает большие сомнения и во всяком случае требует специального обсуждения. Петербург занимает совершенно особое место в русской истории и культуре, и подобной семиотической насыщенностью не обладает ни один другой русский локус. Это означает, что в принципе не может быть никакого другого свертхтекста, кроме петербургского.

С легкой руки Топорова локальные или «городские» тексты исследователи стали квалифицировать как свертхтексты. В филологических и лингвистических исследованиях сложилась определенная традиция трактовки понятия свертхтекст и соотнесения его с близкими понятиями «метатекст», «гипертекст», «интертекст» [9; 15; 17; 22–24]. Думается, сегодня можно говорить о сложении общих контуров теории свертхтекста. Приведем наиболее устоявшиеся характеристики, имеющие прямое отношение к локальным текстам. Во-первых, свертхтекст — это некая совокупность текстов: «объединение автономных текстов, отмеченное ассоциативно-смысловой общностью» [22], «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию» [23; 24]. Во-вторых, по способу организации свертхтекст — «единоцельное семантическое пространство» [22], имеющее центр и периферию, его границы открыты и закрыты одновременно, это «незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [23], при которой он сохраняет возможность для разных интерпретаций. В-третьих, в основе формирования свертхтекста, по мнению исследователей, находится принцип ценностно-смысловой центрации. Свертхтекст культуроцентричен, он образуется вокруг какого-то смыслового ядра: им может быть тот или иной локус (Петербург, Крым, Венеция) — для локальных текстов; персона, творец (Пушкин, Достоевский) — для персональных (именных) текстов. В качестве центра для «тематических» свертхтекстов («аполлонический», «ночной» свертхтекст русской поэзии) может выступать некий концепт, идея, метафора, событие. На базе их осмысления / переживания складывается в соответствии с терминологией Топорова «максимальная смысловая установка», которая способствует формированию концептуального ядра свертхтекста. В этом — существенное отличие свертхтекста от гипертекста, у которого отсутствует ядерная структура.

Понятия «локальный текст» и «свертхтекст» пересекаются, но не являются тождественными. В качестве локальных текстов исследователи рассматривают один из типов свертхтекстов наряду с именными и тематическими, но при этом, как следует из публикаций, не все локальные



тексты — сверхтексты. Главный признак локального текста — его связь с конкретным местом, локусом. «Формирование подобного *локального* (краевого, городского или даже урочищного) текста — закономерное следствие и продукт исторической и культурной деятельности» [1, с. 35], в ходе которой человек не только физически преобразует окружающий мир, но и семиотизирует его, приобщая к семиосфере национальной культуры. Следуя этой логике, локальных текстов бесконечно много, «любой исторически и культурно освоенный и продуцирующий культурную информацию локус» [1, с. 35] создает свой локальный текст. Понятие сверхтекста, находящееся в генетической связи с петербургским текстом, подспудно сохраняет его основные характеристики, включая сверхуплотненность и сверхсемиотичность, обретая тем самым очень высокую планку и строгие критерии отбора, и лишь немногие из локальных текстов могут претендовать на звание **локального сверхтекста**. Круг сверхтекстов, как локальных, так и именных, тематических, невелик, их рождение всегда носит эксклюзивный характер.

Н. Е. Меднис на вопрос о том, какие провинциальные города России образуют свои литературные сверхтексты, с уверенностью отвечает, что немногие. «Чаще мы видим в литературе некие очевидные осколочные текстовые образования, позволяющие говорить об *образе* того или иного города в творчестве какого-либо писателя или ряда писателей, как о Вятке в произведениях Салтыкова-Щедрина, о Тамбове или Саратове в русской литературе XIX века. Однако вряд ли можно при этом вести речь о Вятском или Тамбовском текстах русской литературы в целом» [23].

Для сложения локального сверхтекста, по-видимому, нужны какие-то особые условия. Вероятно, можно говорить об *объективных и субъективных*, необходимых и достаточных факторах сложения сверхтекста. *Объективные* факторы связаны с особенностями самого центрирующего текст фундамента. Яркая самобытность, неповторимая индивидуальность, культурная значимость локуса переживаются, осмысливаются, могут запечатлеваться в мифах, складывается языковая общность. Так формируются условия для возникновения «монолитности максимальной смысловой установки», нужной для появления сверхтекста. Многие исследователи в поисках первоисточника сверхтекста обращают внимание на миф. «Обобщение накопленных в исследованиях последних лет материалов позволяет заметить, что локальный текст тяготеет к мифу как некой архетипической целостности» [21, с. 78]. Действительно, ничто лучше мифа не может сформулировать для массового сознания некое цельное знание-чувствование, облечь его в яркую и доступную для восприятия форму. «Петербургский текст был порожден петербургским мифом, Крымский текст — таврическим...» [20, с. 15]. Справедливости ради нужно отметить, что никто из исследователей не настаивает на исключительной роли мифа в данном процессе, в отличие от такого критерия, как языковая общность, вне которой сложение сверхтекста невозможно.

В случае отсутствия объективных факторов сверхтекст не складывается. Так, Н. Е. Меднис не без сожаления констатировала, что родной ее Новосибирск не имеет своего сверхтекста, так же как, по ее мнению, нет парижского текста: «Париж динамичен, центрически неустойчив, в том



числе и в плане семантики, что крайне затрудняет формирование единого для сверхтекста интерпретирующего кода» [23]. Есть сомнения у многих исследователей по поводу существования московского текста — по той же причине.

Совокупность уникальных геополитических, исторических, этнокультурных факторов в Калининградской области способствует возникновению локального сверхтекста [10], хотя процесс сложения текста не был простым. Начиная с 1946 г., когда была создана Кёнигсбергская, а позже — Калининградская область, власти предприняли попытку создать своеобразный калининградский текст «сверху». На это была направлена вся мощь идеологической машины: разработаны специальные программы; устанавливались одни памятники и уничтожались другие; оказывалось давление на ученых, занимавшихся историей и археологией края, для обеспечения «правильных» выводов и концепций; планомерно велась пропаганда и агитация в СМИ через систему культпросветработы. За несколько десятилетий планомерной деятельности, казалось, был создан устойчивый мрачный образ чужого довоенного прошлого и светлого советского настоящего<sup>2</sup>. Калининградский текст советского периода вроде бы сложился, но он существовал только на уровне идеологии, не затронув уровень социальной психологии, что сделало его крайне неустойчивым образованием, внешним по отношению к культуре, неукорененным в ней. Он рухнул вместе с идеологией, практически не оставив следа. Текст, как мы помним, существует как пересечение точек зрения создателя текста и аудитории. Для этого необходима языковая общность, наличие единого интерпретирующего кода, сложение которых происходит в ходе совместной социокультурной практики того или иного сообщества. Вероятно, правильнее в данном случае говорить не о локальном тексте, а об идеологическом дискурсе, который сформировался в конкретной политической ситуации, был направлен на решение прагматических задач и завершился при изменении условий.

Наличие объективных факторов — необходимое, но недостаточное условие для возникновения локального сверхтекста. Важную роль играют *субъективные* факторы, которые связаны с особенностями формирования текста, личностями и биографиями авторов, силой созданных ими образов, яркостью метафор, отточенностью выражений и законченностью форм. Анализируя механизм сложения сверхтекста, А. Г. Лошаков выдвинул гипотезу о том, что он создается «на основе направленной ценностно-смысловой установкой актуализации “памяти живого поэтического слова” в рамках усмотренной целостности некоторого числа самостоятельных текстов» [22, с. 178]. Думается, что трактовка может быть более широкой, если иметь в виду не только вербальные образы. Внетекстовый фундамент петербургского текста — город Петербург с его ландшафтом, набережными, наводнениями, памятником Петру и т. д. Человек осваивает пространство, в котором он живет не только практически, но и символически. В формировании символической образной вселенной велика роль Художника. Известно замечание

<sup>2</sup> Богатейший материал для реконструкции калининградского текста советского периода представлен в монографии Ю. В. Костяшова [16].



Оскара Уайльда о том, что жители «туманного Альбиона» не замечали лондонских туманов до тех пор, пока их не увековечил Тернер. Открыв в них символично-культурное измерение, художник сделал лондонские туманы более значимым фактом бытия, чем их прежнее природно-климатическое существование. В этом процессе очень важна «точность попадания» образа. Необходимо, чтобы идея, метафора, образ были приняты, подхвачены аудиторией, чтобы они «проросли» в новых творческих исканиях.

В создании петербургского текста огромную роль сыграл Пушкин, который запечатлел свое видение города, отношение к нему в сильных, ярких, незабываемых поэтических образах. Актуализированные, прочувствованные, осмысленные, процитированные другими авторами, они легли в основу петербургского сверхтекста, были переосмыслены, дополнены, противопоставлены образам города в творчестве Гоголя, Достоевского, поэтов-символистов и др.

У истоков калининградского текста оказался (совершенно фантастическим образом!) другой гений русской поэзии — И. Бродский [10]. Три стихотворения, написанные им после посещения Калининграда и Балтийска, наметили своеобразную программу развития будущей калининградской поэзии, задали ее тональность, заложили смысловое ядро калининградского текста. Локальный текст, который мы исследуем, стал актуализироваться в перестроечное время, хотя его корни уходят в послевоенное прошлое, в 50–60-е гг. XX в., когда новые жители области сумели сколько-нибудь освоиться на чужой земле физически и начали ее символическое освоение. Наблюдаемые реалии и эмоциональное их переживание фиксировались в словах, образах, стереотипах, запечатлевались в каких-то формулах — складывались **концепты**, т. е. сложные соединения знания и эмоционального его переживания.

Продолжительное время занимаясь исследованием калининградской региональной субкультуры [3; 4], мы не могли обойти вниманием огромное количество артефактов, культурных репрезентаций, содержательно принадлежащих к некоему целому, к тому самому «тексту культуры», о котором писал Ю. М. Лотман как о тексте-конструкте, который представляет «инвариант всех текстов, принадлежащих данному культурному типу» [18, с. 465]. Множество культурных текстов (литературных, живописных, фотографических, рекламных и т. д.), сложившихся в условиях калининградской региональной субкультуры, объединены той самой смысловой и языковой цельностью, которая позволяет говорить о формировании локального сверхтекста. Центрирующим сверхтекст фундаментом становится осмысление / переживание исторических и социокультурных реалий: притяжение / противостояние «чужой» и «своей» истории, «чужого» прошлого и «своего» настоящего, города-двойника, «города-призрака» Кёнигсберга и современного Калининграда. Осмысление, концептуализация этих реалий жизненно необходимы для самого существования российской культуры на территории бывшей Восточной Пруссии. Процесс идет как стихийно, на уровне массового сознания, через структуры повседневности, так и на концептуальном уровне — в публицистике, произведениях искус-



ства, научных исследованиях. Калининградский текст в соответствии со сложившейся в отечественной гуманитаристике традицией вполне вписывается в разряд локальных сверхтекстов.

Каковы функции локальных сверхтекстов? Поскольку локальные сверхтексты возникают в ситуациях своеобразных, ярких, чем-то обремененных, сложных, нуждающихся в осмыслении, организации, требующих усилий для адаптации, то, видимо, на первый план выходит метатекстовая (обобщающая, структурирующая, связывающая) функция. Термин «метатекст» широко представлен в современном текстологическом дискурсе и обычно характеризуется как «текст о тексте», как совокупность языковых и параязыковых средств, с помощью которых автор структурирует текст, «ведет» читателя, направляет его внимание, влияет на интерпретацию. Текст, в котором происходит рефлексия над другим текстом или с использованием которого можно осуществить такого рода рефлексию, выявить содержание некоей группы текстов, выступает по отношению к ним как метатекст. Все городские локальные сверхтексты рождаются в качестве рефлексии, как минимум, над «городом как текстом», чаще — над другими текстами (к примеру, литературными), где локус репрезентирует себя. По определению локальные сверхтексты не могут не выполнять функции метатекста, а следовательно, в той или иной степени не могут не быть метатекстами, благодаря которым «прочитываются», понимаются, интерпретируются культурные тексты. Калининградский текст, таким образом, можно квалифицировать как локальный сверхтекст, выполняющий функцию метатекста по отношению ко множеству посвященных Калининграду субтекстов.

### Список литературы

1. *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008.
2. *Абашев В.* Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь, 2009.
3. *Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.* Социально-философское исследование развития региональной культуры (на примере Калининградской области) // Вестник Калининградского государственного университета. 2003. №2. С. 27–37.
4. *Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.* Калининградская региональная субкультура и образ мира // Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Тексты участников Второго Российского культурологического конгресса с международным участием. СПб., 2010. С. 1726–1734.
5. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.
6. *Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. Пг., 1923.
7. *Анциферов Н. П.* Книга о городе. Пг., 1926.
8. *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. 2: «Таллинский текст» в русской культуре.* Таллин, 2006.
9. *Бразговская Е. Е.* Текст в пространстве культуры. Пермь, 2001.
10. *Гаврилина Л. М.* Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. №3. С. 64–79.
11. *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* М., 2004.





12. Голуб О. С. Кузнецкий локус в русской литературе XIX — XX вв. // Сибирский филологический журнал. 2008. №3. С. 90—96.
13. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. С. 63—69.
14. Ефимова Т. В. Петербургский текст как ресурс формирования городской ментальности: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007.
15. Канныкин С. В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). Воронеж, 2003.
16. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956. Калининград, 2009.
17. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — Текст — Культура: коллективная монография. Екатеринбург, 1994. С. 214—233.
18. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 462—484.
19. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30—45.
20. Люсый А. Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003.
21. Люсый А. П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М., 2007.
22. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск, 2007.
23. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. (URL: <http://www.rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 05.12.2010)).
24. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста. URL: <http://www.old.megansk.ru/articles/111234> (дата обращения: 12.12.2010).
25. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. / под. ред. Г. С. Кнабе. М., 1998.
26. Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
27. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.
28. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Мегафизика Петербурга: петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 205—235.

### Об авторе

Лариса Михайловна Гаврилина — канд. истор. наук, доц. Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: [gavrilina\\_larisa@mail.ru](mailto:gavrilina_larisa@mail.ru)

### About author

Dr. Larisa M. Gavrilina, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: [gavrilina\\_larisa@mail.ru](mailto:gavrilina_larisa@mail.ru)